РЕЧЕВЫЕ МОДЕЛИ И СТРАТЕГИИ МЕДИАДИСКУРСА
SPEECH MODELS AND MEDIA DISCOURSE STRATEGIES

Знак: проблемное поле медиаобразования. 2026. № 1 (59). С. 102–119.
eISSN 2949-3641; ISSN 2070-0695 (print).
Znak: problemnoe pole mediaobrazovanija. 2026;1(59): 102–119.
eISSN 2949-3641; ISSN 2070-0695 (print).

Научная статья
УДК 316.77:004.774:37.018.43
DOI 10.47475/2070-0695-2026-59-1-102-119

ТОКСИЧНЫЙ МЕДИАТЕКСТ КАК СОЦИАЛЬНАЯ РЕАЛИЯ СОВРЕМЕННОСТИ

Вера Владимировна Антропова[1], Елена Мухамедовна Хакимова[2], Светлана Ивановна Симакова[3], Арина Ринатовна Медведева[4], Ирина Владимировна Топчий[5]
[1, 3, 4, 5] Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия
[2] Южно-Уральский государственный университет (национально-исследовательский университет), Челябинск, Россия
[1] ava45@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0003-3421-9978, SPIN-код: 3229-4668
[2] khakimovaem@susu.ru, https://orcid.org/0000-0002-2948-9482, SPIN-код: 1666-3856
[3] simakovi@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-5248-9459, SPIN-код: 3630-6448
[4] larizy@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0001-8911-5100, SPIN-код: 2968-2913
[5] ivtopchiy@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-8601-9041, SPIN-код: 2989-5193

Аннотация. В статье осмысливаются характеристики токсичного медиатекста как инструмента речевой агрессии в современных онлайн-коммуникациях. Анализ научной литературы показывает, что такая важная для информационного общества реалия, как токсичный медиатекст, только начинает становиться предметом специального изучения. Работа представляет собой попытку восполнить указанный пробел, и этим обусловлена её актуальность. Предметом исследования стали интерпретации феномена «токсичный медиатекст» в молодежной аудитории. В результате получена дефиниция понятия «токсичный медиатекст», отражающая основные признаки рассматриваемого феномена; детально описаны дискурсивные аспекты функционирования медиатекста (автор токсичного медиатекста и его интенции, адресат и его реакции, содержание и форма токсичных сообщений, каналы их распространения, перлокутивные эффекты). Проведенное исследование выявило, что токсичный медиатекст представляет собой сложное, динамичное явление, детерминированное языковыми, психологическими, социальными и технологическими факторами. Эмпирические данные позволили выделить ключевые характеристики токсичности, включая конфликтогенные интенции автора, негативный психологический эффект (в том числе с отложенным действием), а также использование невербальных средств для маскировки агрессии. Особое внимание уделено фактору метакоммуникации – рефлексии по поводу токсичных медиатекстов и стратегий конструктивного реагирования на них, необходимым для формирования экологичной цифровой культуры.

Ключевые слова: токсичный медиатекст, медиакоммуникации, факторы медийной токсичности, мозговой штурм, свободное письмо, дискурсивный анализ, цифровая среда

Для цитирования: Антропова В. В., Хакимова Е. М., Симакова С. И., Медведева А. Р., Топчий И. В. Токсичный медиатекст как социальная реалия современности // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2026. № 1 (59). С. 102–119. doi: 10.47475/2070-0695-2026-59-1-102-119

Original article
TOXIC MEDIA TEXT AS A SOCIAL REALITY OF MODERN TIMES

Vera V. Antropova[1], Elena M. Khakimova[2], Svetlana I. Simakova[3], Arina R. Medvedeva[4], Irina V. Topchii[5]
[1, 3, 4, 5] Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia
[2] South Ural State University (National Research University), Chelyabinsk, Russia
[1] ava45@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0003-3421-9978

[2] khakimovaem@susu.ru, https://orcid.org/0000-0002-2948-9482,
[3] simakovi@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-5248-9459, SPIN-код: 3630-6448
[4] larizy@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0001-8911-5100, SPIN-код: 2968-2913
[5] ivtopchiy@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-8601-9041, SPIN-код: 2989-5193

Abstract. The article explores the characteristics of toxic media texts as tools of verbal aggression in contemporary online communication. Analysis of scientific literature shows that this important reality for the information society – toxic media texts – is only beginning to attract specialized research attention. Our study represents an attempt to fill this gap, which determines its relevance. The focus of the research became interpretations of the phenomenon of "toxic media text" among young audiences. As a result, we formulated a definition of "toxic media text" that reflects the key features of the phenomenon; and provided a detailed description of its discursive aspects (the author of the toxic media text and their intentions, the audience and their reactions, content and form of toxic messages, channels of their dissemination, and perlocutionary effects). The study revealed that a toxic media text is a complex and dynamic phenomenon determined by linguistic, psychological, social, and technological factors. Empirical data identified key characteristics of toxicity, including conflict-inducing intentions of the author, negative psychological effects (including those with delayed impact), and the use of nonverbal means to mask aggression. Special attention is given to the metacommunicative factor – reflection on toxic media texts and strategies for constructive responses to them – which is essential for the development of a healthy digital culture.

Key words: toxic media text, media communication, factors of media toxicity, brainstorming, free writing, discourse analysis, digital environment

For citations: Antropova V. V., Khakimova E. M., Simakova S. I., Medvedeva A. R., Topchii I. V. (2026) Toxic media text as a social reality of modern times. *Znak: problemnoe pole mediaobrazovanija*, 1(59), 102–119. doi: 10.47475/2070-0695-2026-59-1-102-119 (In Russ.)

1. Введение

Термин «токсичный» в последнее время стал все чаще встречаться в научном пространстве, при этом важно отметить, что исследования носят межпредметный характер. О токсичности говорят специалисты в области массовой, деловой и межличностной коммуникации, информационных технологий, философии повседневности – лингвисты, социологи, культурологи, программисты, философы.

В зарубежной научной литературе термин «токсичность» не обладает устойчивыми характеристиками и часто смешивается с такими смежными понятиями, как «hate speech», «cyberbullying», «cyber threats», «online harassment», «abuse» (Mohan, Guha, Harris, Popowich et al. 2017); «hate speech», «trolling, toxic / obscene / insult + content / language / speech» (Kocoń, Figas, Gruza, Puchalska et al. 2021). Чаще всего наиболее близким (и распространенным) к токсичности термином выступает именно «hate speech». В систематизированном обзоре термина «hate speech» его характеристика выглядит следующим образом: 1) проявляется вербально, невербально и символически; 2) преднамеренно выражается двусмысленными и метафорическими терминами, что затрудняет его идентификацию; 3) предполагает, что производители такой речи имеют негативные намерения (или не намерены раскрывать свои интенции), часто использует вербальные выражения негативных эмоций, чтобы побудить общественность к некоему действию исходя из достижения негативного эмоционального фона (см. обзор: Paz, Montero-Díaz, Moreno-Delgado 2020).

Смежность понятий прослеживается и в других обзорах терминологии токсичности, например, среди недостатков токсичных комментариев в Сети выделяются такие, как провокация ответной токсичности («online firestorms»), которая любую дискуссию делает контрпродуктивной; отторжение потенциальных профессионалов или специалистов, которые могут внести позитивный вклад, от участия в дискуссии; распространение негативных эмоций, которые могут усилить эффект «информационного пузыря», групповую поляризацию (приводится по: Salminen, Almerekhi, Milenković, Jung et al. 2018: 330). Среди факторов функционирования токсичности выделяются такие, как: 1) редукция эмпатии пользователей к отдельным личностям; 2) повышение риска переключения внимания пользователей с более актуальной информации на второстепенные факторы; 3) «заражение личности» при помощи автоматических алгоритмов, которые отображают комментарии в социальных сетях, токсичность этих комментариев может перейти в профиль персоны, тем самым изначально формируя негативный образ личности (см. обзор: Salminen, Jung, Santos, Jansen 2021).

Можно заметить, что при сопоставлении терминов hate speech и собственно токсичности существует множество содержательных пересечений, тем не менее в функционировании токсичности явно смещен акцент в сторону прерывания дискуссии или ограничения (тогда как цель hate speech – побудить к действию против определенной группы лиц).

Отдельно проблематика определения специфических черт токсичности раскрывается в научных работах, посвященных автоматизированному поиску токсичных текстов (Sumanth, Samiuddin, Jamal, Domakonda et al. 2022), большинство из них точно так же смешивает понятие токсичности с hate speech. Существует большой обзор-анализ смежных понятий в научном дискурсе (наряду с токсичностью) на примере датасетов для автоматизированной идентификации таких текстов в социальных сетях (Fortuna, Soler, Wanner 2020). Авторами статьи также подчеркивается проблема смешения различных терминов.

Приводится в пример один из датасетов с разграничением следующей терминологии:

• токсичный текст – это «грубый, неуважительный или необоснованный комментарий, который может побудить людей покинуть обсуждение»;

• тяжелая степень токсичности – это «агрессивный, неуважительный комментарий или иной способ представления реплики, который с большой вероятностью заставит пользователя покинуть обсуждение или отказаться от желания поделиться своей точкой зрения»;

• атака на личность – это «негативные или ненавистнические комментарии, нацеленные на отдельного человека из-за конкретных характеристик его личности»;

• оскорбление – это «оскорбительный, подстрекательский или негативный комментарий в адрес человека или группы людей»;

• ненормативной лексикой являются «бранные слова, ругательства или другие непристойные выражения»;

• угроза реализует «намерение причинить боль, травму или насилие в отношении отдельного лица или группы лиц» (Fortuna, Soler, Wanner 2020: 6789–6790).

Таким образом, в научном поле термин «токсичность» нередко смешивается со смежными понятиями, иногда функционирует без какого-либо обоснования его семантики (Bowman 2020; Dhrodia 2018; Lu, Jurgens 2022), но в то же время претендует на выделение терминологической независимости, обоснование специфических черт.

Частично проблема специфики токсичности обоснована в работах Л. Тирелл, которая рассматривает ее с позиций философии коммуникации. В ее трактовке токсичность – это не лексическое наполнение, но именно механизм организации речи (Tirrell 2017, 2018). Л. Тирелл рассматривает токсичность прежде всего в плане ее необратимости: «токсичность поражает все, к чему прикасается» (Tirrell 2017: 140), иными словами, такая коммуникация именно заразна, она оставляет свой след в душе каждого коммуниканта. Долгосрочный эффект токсичности выражается в ее изменении последующего мышления. Если прямолинейная агрессия может быть отражена, то токсичность даже на уровне сопротивления вызывает изменения в самом когнитивном порядке отображения информации у реципиента. В понимании исследователя специфическая организация токсичного дискурса интересна с точки зрения того, какими способами определенные дискурсивные практики могут «прививать» человека к поглощению токсичных сообщений. Таким образом, Л. Тирелл рассматривает токсичный дискурс с позиций языковой игры: «что конкретный речевой акт позволяет нам сказать дальше (это логические ходы, внутренние по отношению к игре) и что наши высказывания позволяют нам делать в мире за пределами речи (это ходы выхода, разрешенные отклонения от языковой игры)» (Tirrell 2017: 142). Токсичность предполагает правила организации лексикона таким образом, чтобы вовлечь другого коммуниканта в токсичный регистр восприятия конкретной темы. Метафора Л. Тирелл таким образом разворачивается от «химической» составляющей термина и переводится на язык дискурса. С. Ральстон, с другой стороны, в ответ на публикации Л. Тирелл отмечал, что сам факт использования определения «токсичный» по отношению к тем или иным высказываниям точно так же потенциально несет в себе угрозу прерывания дискуссии (Ralston 2019).

Что касается отечественной традиции осмысления токсичности, то она изучается преимущественно в философском, социально-коммуникативном и собственно лингвистическом аспектах. Так, З. М. Тимербулатов (2019: 145–146), в связи с размыванием границ между онтологической и виртуальной реальностью, размышляет над таким новым феноменом повседневной жизни, как токсичность виртуальной реальности. О. А. Глущенко, Н. В. Гришанин и Н. В. Кириллина, рассматривая вопросы медиаэкологии, выделяют пять факторов токсичности в медийных текстах: коммуниканта, знаковый код, контент, способ коммуникации и дискурсивный фон (Глущенко, Гришанин, Кириллина 2021). О токсичности в рекламе говорят Л. М. Комиссарова и А. В. Кореняк (Комиссарова, Кореняк 2018). С. В. Ионова понятие токсичности рассматривает применительно к коммуникативному поведению человека в деловой среде (Ионова 2018). Н. Н. Панченко говорит о деструктивном коммуникативном поведении токсичного учителя (Панченко 2022). А. П. Сковородников и Г. А. Копнина вводят понятие лингвотоксинов (Сковородников, Копнина 2017). Под лингвотоксинами исследователи рассматривают все, что наносит вред языку как средству коммуникации, а также и языковому сознанию носителей языка вплоть до изменения их картины миры; приводят примеры лингвотоксичных процессов, отмечая, что предложенный перечень лингвотоксинов можно продолжать. К семантическому развитию понятия «токсичность» в русской и китайской лингвокультурах обращаются исследователи О. А. Дмитриева и Ю. Ху, очерчивая весьма широкий круг источников: словари русского и китайского языков, национальный корпус русского языка и корпус китайского языка, массмедийные тексты, статистику запросов в поисковых системах «Яндекс» и «Байду» (Ху 2021; Дмитриева, Ху 2022). О. А. Дмитриева анализирует токсичность как вид деструктивного поведения, выявляя признаки такого поведения на основе анализа текстов массмедиа (Дмитриева 2021).

В. А. Буряковская и О. А. Дмитриева детально рассматривают историю возникновения термина «токсичность» и его дальнейшую эволюцию, представляют обзор публикаций в области гуманитарных наук, где токсичность выступает как объект исследования (Буряковская, Дмитриева 2022). Рассмотрев употребление термина в блогах на разных языках (русском, французском, английском), исследователи приходят к выводу о широкозначности лексемы «токсичный» в научно-популярном дискурсе (Буряковская, Дмитриева 2022: 137), но при этом убеждены, что термин «токсичный» является квазинаучным. Они подчеркивают: «его употребление является своеобразной ловушкой для современной воспринимающей аудитории, поскольку разнообразные явления социальной активности и психической жизни человека сводятся к одной единственной метафоре – “токсичность”» (Буряковская, Дмитриева 2022: 137).

Выполнив обзор научной литературы, сформированной по ключевым словам «токсичный», «токсичность», «токсичный текст», отметим, что в научном поле подобные исследования представлены достаточно широко. Вместе с тем, работ, связанных с токсичным медиатекстом как явлением социально-коммуникативной природы, нами не было обнаружено. И первой публикацией, посвященной концепту и термину «токсичный медиатекст», была коллективная статья «”Токсичный медиатекст” как новый термин: опыт концепт-анализа» (Антропова и др. 2024).

В данной статье мы задались целью – охарактеризовать этот феномен социального мира; предметом исследования выступил, соответственно, токсичный медиатекст в его комплексном осмыслении: методологическом, социально-дискурсивном.

2. Методология исследования токсичного медиатекста

Данное исследование является социальным (Добреньков, Кравченко 2023). Исследования такого типа имеют междисциплинарный характер: их проводят не социологи, а специалисты из других областей – журналисты, психологи, экономисты, юристы, филологи и т. д., опирающиеся на собственный профессиональный опыт, а также научную и научно-популярную литературу, чтобы объяснить социальные факты через несоциальные (экономические, психологические, антропологические, педагогические и др.), включив рассматриваемый феномен в более широкий контекст.

В ходе сбора эмпирических данных и их анализа использовались следующие методы:

1) свободное письмо (индивидуальное осмысление феномена токсичного медиатекста информантом через подключение интуиции);

2) анкетирование (индивидуальное осмысление феномена токсичного медиатекста информантом через рационализацию смыслового континуума);

3) мозговой штурм с опорой на дискурсивную схему (коллективное осмысление феномена токсичного медиатекста через диалог, направленный на генерацию нестандартных идей, их оценку и интеграцию);

4) дискурсивный анализ (изучение элементов дискурсивной модели токсичного медиатекста на материалах анкетирования и мозгового штурма).

Методы анкетирования и дискурсивного анализа регулярно используются в гуманитарных дисциплинах: социологии, лингвистике, психологии и др., это классический научный инструментарий. Свободное письмо и мозговой штурм – оценочно-поисковые эвристические методы, направленные на изучение качественных характеристик исследуемого феномена. В отличие от традиционных научных инструментов, они предполагают существенные риски: «Их удачное применение может привести к фантастически эффективным, красивым, запоминающимся, полезным результатам, а может привести просто в овраг» (Что такое эвристические стратегии? – Владимир Спиридонов на ПостНауке // ПостНаука. 10.09.2021. URL: https://clck.ru/3Sj2Vs). Эвристика актуализирует интуицию и эмпирический опыт информантов. Эксперты отмечают, что её применение целесообразно при следующих условиях: качественный характер исходной информации; недостаток достоверных и представительных сведений о параметрах предмета исследования; отсутствие его математической формализации; экстремальность анализируемой ситуации (Абдукаримов 2009). Мы полагаем, что указанные факторы соответствуют детерминантам нашего исследования. Далее рассмотрим особенности каждого метода более обстоятельно.

1. Свободное письмо (фрирайтинг). Фрирайтинг – безостановочная и механическая графическая регистрация в течение заданного периода всех возникших реакций (вербальных и визуальных) на слово-стимул, которая исключает их критический отбор и последующее корректирование. Результатом применения данного метода становится графически зафиксированный информационный континуум разного уровня аналитичности и креативности: от бессмысленных, разрозненных ассоциаций и понятий до конструктивных, творческих построений. Техника свободного письма позволяет осмыслить некое явление вне ментально-когнитивных шаблонов и схем, за рамками привычного мышления. Данный метод был реализован в аудиторных условиях на площадках Челябинского государственного университета и Южно-Уральского государственного университета. В качестве оборудования использовалась доска / экран с надписью «токсичный медиатекст», ставшей вербальным стимулом; бумажные листы и шариковые ручки; смартфоны (студентам было предложено выбрать электронный или бумажный носитель информации).

Перед выполнением задания был проведен инструктаж с информантами (рис. 1). В дальнейшем – перед началом мозгового штурма – мы предложили информантам просмотреть свои записи и выделить наиболее перспективные, с их точки зрения, идеи для общего обсуждения.

СВОБОДНОЕ ПИСЬМО

Инструктаж

Дорогие друзья!

Спасибо, что вы согласились принять участие в нашем увлекательном эксперименте. Мы хотим понять, что такое токсичный медиатекст. Наша цель – получить как можно больше реакций на этот стимул. Чем больше – тем лучше. Поэтому фиксируйте всё, что приходит вам в голову: слова, фразы, картинки, иероглифы. И пожалуйста, не думайте о грамматической правильности, орфографии и знаках препинания. Нас не интересуют нормы – только генерация идей: ваши ассоциации, много ассоциаций. Та информация, которой вы захотите с нами поделиться, будет использована без оглашения ваших имен.

Время работы – 10 минут. Сконцентрируйтесь и пишите быстро – желательно в темпе мысли, без пауз, пока не закончится время. Если почувствуете, что у вас больше нет никаких идей, всё равно продолжайте писать – любые знаки, даже бессмыслицу. Если вы почувствуете во время упражнения скуку, дискомфорт или, напротив, особый прилив энергии, имеет смысл написать и об этом. Но как только время истечет – остановитесь, прервите мегатворческий процесс.

Успехов)

Рис. 1. Инструктаж перед выполнением задания

2. Анкетирование. Метод позволил определить представления респондентов о ключевых аспектах изучаемого феномена. В анкету, подготовленную с учетом рекомендаций социологов (Яковлева 2014), включены пять частей: вводная – установление контакта с информантом и сообщение цели исследования; реквизитная – место и дата опроса; классификационная – демографические характеристики респондента; информативная – 18 вопросов о феномене токсичного медиатекста; заключительная – выражение признательности за участие в проекте (рис. 2). Содержание вопросов отражает результаты анализа, систематизации и адаптации современной научной информации об особенностях токсичной коммуникации. По структуре один вопрос анкеты является закрытым (выбор из предложенных вариантов), девять – полузакрытыми (заданный список расширяют опция «Другое» или просьба пояснить свою позицию комментарием), восемь – открытыми (высказывание респондента в произвольной форме). Что касается конкретных формулировок, то они приведены ниже, в описании эмпирической базы нашего исследования.

АНКЕТИРОВАНИЕ

Анкета

Дорогие друзья!

Пожалуйста, примите участие в опросе, внесите бесценный вклад в науку – и Бог вознаградит нас за бескорыстную любовь к истине) Наша тема – «Токсичный медиатекст».

Место проведения опроса: г. Челябинск, ЧелГУ / ЮУрГУ

Дата проведения опроса: _____

Информация о Вас:

Возраст –

Пол –

Образовательное направление –

1. **Встречались ли Вам медиапродукты, которые можно было бы назвать токсичными медиатекстами?**
   1. Да.
   2. Нет.
   3. Затрудняюсь ответить.
2. **Признаки токсичного медиатекста (пожалуйста, укажите их максимальное количество, расположив в порядке убывания значимости).**

_____

<…>

С уважением и искренней признательностью за сотрудничество,

Рис. 2. Фрагмент анкеты

3. Мозговой штурм. Это «качественный метод моделирования систем» (Новиков, Новиков 2013: 68) – свободное генерирование идей в группе информантов, обладающих необходимыми для осмысления проблемы компетенциями. Мозговой штурм эффективен при решении нестандартных проблем стратегического характера. Его специфика состоит в том, что генерация идей и их критический анализ – разновекторные ментальные процессы – осуществляются на разных этапах, не мешая друг другу, поэтому творческая энергия участников получает максимальное воплощение. Первоначально метод использовался как способ нетривиального решения бизнес-задач, но со временем вышел за пределы экономической сферы и в настоящее время применяется в разных социальных практиках. В частности, Т. К. Желязкова-Тея (2019) на примере образовательной деятельности доказывает гипотезу о том, что мозговой штурм, организованный

как поиск ответов на систему тематически связанных вопросов, может привести к открытию новых знаний. Разделяя эту точку зрения, мы в своем исследовании сделали попытку использовать возможности мозгового штурма для разработки основ научной концепции токсичного медиатекста.

Существует множество разновидностей мозгового штурма (Панфилова 2009: 62–72), сейчас он может поводиться в офлайн- и онлайн-форматах с разным количеством участников. Наш вариант можно назвать управляемым мозговым штурмом: он проводился под руководством модераторов среди студентов ЧелГУ и ЮУрГУ через неделю после свободного письма и опроса. За время перерыва студенты имели возможность обдумать ту информацию, которую получили в начале исследования, и с учетом этих сведений наблюдать над медийной практикой, а также осмысливать собственный коммуникативный опыт, выделяя наиболее интересные кейсы для совместного обсуждения. Использованное оборудование: экран с исходной ключевой информацией; диктофон; смартфоны студентов; листы бумаги, ручки.

Процедура включала в себя три этапа:

1. Питчинг – модератор представил проект: обозначил исследовательскую проблему (деструктивные медиакоммуникации), определил цель (разработка дефиниции токсичного медиатекста и его дискурсивной модели), указал возможные аспекты обсуждения и описал процедуру. Время проведения – 5 минут.

2. Генерация идей и их фиксация без всякой оценки и отбора. Запрет на критику (нельзя было начинать высказывание со слова «нет»), поощрение развития мысли собеседников. Время проведения – 80 минут.

3. Оценка зафиксированных идей с выделением наиболее перспективных предложений и синтез заданных информационных блоков. Время проведения – 35 минут.

Поскольку мозговой штурм – интенсивный и чрезвычайно энергоемкий процесс, дискуссия дважды прерывалась 15-минутными паузами, чтобы участники могли отдохнуть и восстановиться для дальнейшей плодотворной работы.

4. Дискурсивный анализ. В научной литературе представлены разные интерпретации этого метода (Ермакова, 2021). Мы обратились к версии, согласно которой под дискурсивным анализом понимается изучение взаимосвязи текста и внеязыковых факторов, оказывающих влияние на его создание, распространение, восприятие. При таком подходе функциональным инструментом исследования медиапродуктов может стать комплексная модель, адекватно отражающая детерминанты современной коммуникативной реальности. Наш вариант дискурсивной схемы, основанный на осмыслении концепций Д. Остина (1985), H. D. Lasswell (1948), Р. О. Якобсона (1975) и других ученых, включает в себя следующие элементы:

1) адресант токсичного медиатекста;
2) авторские интенции;
3) адресат токсичного медиатекста;
4) содержание токсичного медийного высказывания;
5) его форма (тип текста, поликодовая система знаков);
6) каналы распространения токсичного сообщения;
7) перлокутивные эффекты (ПОСЛЕсловие).

Отметим, что с учетом указанных аспектов сформулированы вопросы анкеты и задания для мозгового штурма, а также проведен анализ полученных эмпирических данных.

3. Эмпирическая база исследования

Данные для нашего исследования получены в результате стимуляции творческого и рационального мышления людей. Формирование группы информантов может осуществляться по разным принципам. В работе учтены возраст (молодежная аудитория, максимально вовлеченная в активное медиапотребление), гендерная идентификация (мужской и женский пол), продолжительное пребывание в коллективе (более двух лет), образовательный профиль (бакалавриат, направление «Журналистика»), индивидуальные особенности студентов (креаторы, аналитики, интеграторы). Такие критерии отбора информантов позволяют получить сведения о том, как осмысливают значимую социальную реалию – токсичный медиатекст – люди, которые, с одной стороны, имеют большой практический опыт разнообразного общения в цифровой среде, а с другой стороны, получают профессиональные компетенции. Мы полагаем, что сочетание указанных условий обеспечило возможность глубокого и многоаспектного диалога о предмете нашего исследования.

Поскольку для сбора данных мы использовали три метода: свободное письмо, анкетирование и мозговой штурм, эмпирическую базу составили три группы документов.

1. Материалы свободного письма. На этом этапе в исследовании приняли участие 38 человек – 9 мужчин и 29 женщин в возрасте от 19 до 23 лет. От них мы получили 38 монологических высказываний в форме печатных и рукописных текстов, отражающих поток сознания информантов. 37 сообщений включают в себя вербальные знаки – от 14 до 242 слов, которые образуют разные в функционально-грамматическом отношении единицы: словоформы (*хейт, оскорбления, злость*), словосочетания (*критика без повода*) и предложения (*Хорошо, что я не популярна, не звезда шоу-бизнеса, чтобы стать объектом для написания*

такого текста, хотя тут больше подходит слово «жертва»), а также речевые сигналы междометного типа (*Ыбтарлябвюаловбыюыжвжвюябчб*). В состав 10 высказываний входят визуальные компоненты: эмодзи, изображение из Сети и собственные рисунки, 9 текстов объединяют вербальный блок с визуальной составляющей, то есть являются поликодовыми. Указанные формальные средства используются для выражения содержания, имеющего как объективный (характеристики токсичного медиатекста), так и субъективный (чувства и ощущения автора высказывания) характер. Эмпирические данные, полученные методом свободного письма, зафиксированы в протоколе, фрагменты которого приведены на рисунке 3.

Протокол 1

Место и время проведения: Челябинский государственный университет (ЧелГУ), 16.05.2024; Южно-Уральский государственный университет (ЮУрГУ), 17.05.2024.

Сведения об информантах:
Возраст – от 19 до 23 лет.

Пол: м. – 9, ж. – 29.

Образовательное направление: журналистика – 38 человек.

Информант 1

Грусть, унижения, тоска, обида, токсик, слабость, ненависть, страх, СМИ, неудачник, плохой человек, слабохарактерный, злой, критика, мат.

Информант 2

— Ты с виду даже умнее, чем есть на самом деле.
— Ты такая красивая СЕГОДНЯ.
— А вот (имя) в твоём возрасте уже умел то-то...
— А когда свадьба, когда дети?
— Это фигня, а не проблема. Вот у меня настоящие проблемы!
— Ну и что, что тебе плохо, панические атаки и тревожность, мы же все как-то учились и живы-здоровы, и ты выучишься...

<…>

Рис. 3. Фрагменты протокола результатов свободного письма

2. Материалы анкетирования. Процедура проводилась в тот же день, что и свободное письмо, опрос прошли те же информанты, к которым присоединилась еще одна студентка. На этом этапе исследования респонденты предоставляли нам информацию двумя эксплицитными способами – через выбор вариантов из заданного списка и в виде собственных формулировок. Полученные в ходе анкетирования данные также внесены в протокол (рис. 4), а их количественный аспект с учетом ранжирования позиций, значимый для дальнейшего анализа, представлен в таблице 1. Процентный расчет производился исходя из количества респондентов для отображения рейтинга ответов среди опрошенных.

Протокол 2

Место и время проведения: Челябинский государственный университет (ЧелГУ), 16.05.2024; Южно-Уральский государственный университет (ЮУрГУ), 15.05.2024.
Сведения об информантах:
Возраст – от 19 до 23 лет.
Пол: м. – 9, ж. – 30.
Образовательное направление: журналистика – 39 человек.

	Вопрос	Число полученных реакций
1.	**Встречались ли Вам медиапродукты, которые можно было бы назвать токсичными медиатекстами?**	**39**
	1. Да.	34
	2. Нет.	1
	3. Затрудняюсь ответить.	4
2.	**Признаки токсичного медиатекста (пожалуйста, укажите их максимальное количество, расположив в порядке убывания значимости).**	**39**
	● *Наличие клеветы, оскорблений, едкой иронии и сарказма* ● *Направлен на человека, ситуацию или среду с целью унижения, оскорбления* ● *Недоказательные, поверхностные аргументы* ● *Безосновательность существования такого текста* ● *Вызывает неприятные эмоции, вынуждает обдумывать, накручивать себя* *Ложная информация* *Большой объем без большого смысла* *Много цифр, намеренно усложняющих текст* *Преувеличенное сгущение красок в худшую сторону* *Много эмоциональной и субъективной лексики для воздействия на читателя* *Навязывание определенного мнения, стереотипов, высмеивание других людей, их критика и «буллинг». Текст, который не обоснован фактами, примерами, направлен на расширение конфликта, дискриминирующий какую-либо группу людей.* <…>	

Рис. 4. Фрагмент протокола результатов анкетирования

Таблица 1 – Количественные показатели анкетирования

№№ п/п	Вопрос	Число реакций	%
1	Встречались ли Вам медиапродукты, которые можно было бы назвать токсичными медиатекстами? 1. Да. 2. Нет. 3. Затрудняюсь ответить.	39 34 1 4	100 87 3 10
2	Признаки токсичного медиатекста (пожалуйста, укажите их максимальное количество, расположив в порядке убывания значимости).	39	100
3	Авторы токсичных медиатекстов – кто они? Можно отметить несколько позиций. 1. Скандалисты. 2. Клеветники. 3. Жертвы речевой агрессии. 4. Хамы. 5. Доносчики. 6. Другое. 7. Затрудняюсь ответить.	106 34 18 18 17 4 15 0	100 87 46 46 43 10 38 0
4	Каковы намерения авторов токсичных медиатекстов? Можно отметить несколько позиций. 1. Самоутвердиться за счет другого человека. 2. Привлечь внимание к собственной персоне. 3. Ввести собеседников в заблуждение. 4. Другое. 5. Затрудняюсь ответить.	97 30 30 15 22 0	100 76 76 38 56 0
5	Кому адресованы токсичные медиатексты?	39	100
6	Как адресаты реагируют на токсичные медиатексты? Опишите, пожалуйста, варианты, которые встречались в Вашей коммуникативной практике.	38	97
7	В научной литературе используется выражение «токсичный контент». Как Вы думаете, что это такое?	39	100
8	Какие речевые маркеры работают при выявлении токсичных медиатекстов (лингвотоксины)? Можно отметить несколько позиций. 1. Навешивание ярлыков. 2. Сарказм. 3. Грубо-просторечные слова. 4. Ирония. 5. Мат. 6. Жаргонизмы. 7. Неуместные канцеляризмы. 8. Нарушения языковых норм. 9. Неоправданные иноязычные заимствования. 10. Избыточная аббревиация. 11. Другое. 12. Затрудняюсь ответить.	218 34 32 27 26 21 19 19 17 10 5 8 0	100 87 82 69 66 53 48 48 43 25 12 20 0
9	Какие специфические невербальные знаки используются в токсичных медиатекстах? Можно отметить несколько позиций. 1. Эмодзи. 2. Мемы. 3. Другое. 4. Затрудняюсь ответить.	71 34 26 8 3	100 87 66 20 7
10	Какие речевые действия совершаются в токсичных медиатекстах? Можно отметить несколько позиций. 1. Унижение. 2. Манипуляции. 3. Провокация. 4. Неконструктивная критика. 5. Травля. 6. Давление. 7. Демагогия. 8. Запугивание. 9. Другое. 10. Затрудняюсь ответить.	219 34 32 31 30 29 28 16 14 5 0	100 87 82 79 76 74 71 41 35 12 0
11	Какие речевые жанры характерны для токсичных медиатекстов? Можно отметить несколько позиций. 1. Оскорбление. 2. Троллинг. 3. Насмешка. 4. Обвинение. 5. Упрек. 6. Флейм. 7. Угроза. 8. Другое. 9. Затрудняюсь ответить.	169 33 33 28 26 23 16 8 2 0	100 84 84 71 66 58 41 20 5 0

12	Вы видите различия в распространении токсичных медиатекстов по каналам традиционных СМИ (печатные издания, телевидение, радио) и новых медиа (соцсети, мессенджеры, видеохостинги)? Поясните, пожалуйста, свою позицию. 1. Да. 2. Нет. 3. Затрудняюсь ответить.	39 29 6 4	100 74 15 10
13	Какие факторы современных медиакоммуникаций способствуют усилению токсичности? 1. Анонимность пользователей. 2. Алгоритм онлайн-ресурсов. 3. Отсутствие конкуренции в медийном пространстве. 4. Другое. 5. Затрудняюсь ответить.	64 34 7 7 15 1	100 87 17 17 38 2
14	Какие последствия может вызвать токсичный медиатекст? Можно отметить несколько позиций. 1. Отрицательные. 2. Положительные. 3. Затрудняюсь ответить.	55 36 19 0	100 92 48
15	Как измерять токсичность медиатекстов?	36	92
16	Что делать с токсичными медиатекстами? Предложите эффективные медийные антидоты (противоядие).	39	100
17	Хотелось бы узнать Ваши мудрые мысли насчет профилактических мероприятий).	37	95
18	Есть ли теневая сторона у борьбы с токсичными медиатекстами? Обоснуйте, пожалуйста, свою точку зрения.	37	95
Итого		1381	

Отметим, что два первых вопроса из приведенного списка включают информантов в проблематику исследования: вопрос 1 определяет, знаком ли респондентам изучаемый предмет, вопрос 2 устанавливает, по каким признакам они его идентифицируют. Остальные вопросы соотносятся с факторами токсичности в медийных текстах, рассмотренными в статье О. А. Глущенко, Н. В. Гришанина, Н. В. Кириллиной (2021). Учитывая идеи этих авторов и развивая их концепцию, мы предлагаем трансформированную типологию, в которую входят:

- фактор коммуниканта – информация об особенностях отправителей (вопросы 3 и 4) и получателей (вопросы 5 и 6) токсичных сообщений;
- фактор контента – деструктивное содержание медиатекстов, направленное на искажение реальности, обесценивание культурно значимых смыслов и нравственных императивов, пропаганду антигуманистических ценностей (вопрос 7);
- фактор репрезентации – языковые (вопрос 8) и невербальные (вопрос 9) средства для выражения токсичного содержания;
- фактор способа коммуникации – неэкологичные речевые действия (вопрос 10) и жанры (вопрос 11), представленные в современном медиапространстве;
- фактор медийного канала – свойства и возможности традиционных и новых медиа, оказывающие влияние на качественные (вопрос 12) и количественные (вопрос 13) характеристики токсичных медиатекстов;
- фактор посткоммуникации – результаты токсичного воздействия в медийном пространстве и за его пределами (вопрос 14);
- фактор метакоммуникации – рефлексия по поводу токсичных медиатекстов и разработка стратегий конструктивного реагирования на них (вопросы 15, 16, 17, 18).

3. Материалы мозгового штурма. На площадке ЧелГУ в дискуссии приняли участие 19 человек, которых по требованиям метода мозгового штурма разделили на две группы, в ЮУрГУ – 14. Поскольку генерация идей была дистанцирована от их оценки и интеграции, полученные данные разделились на два блока:

1) список всех без исключения реплик, которыми собеседники обменивались в ходе диалога. Тематическая дифференциация высказываний с соответствующими количественными показателями отражена в таблице 2.

Таблица 2 – Генеративный этап мозгового штурма в цифрах

Вопрос для обсуждения	**Число реакций**
Определение токсичного медиатекста	76
Адресант токсичного медиатекста	67
Авторские интенции в токсичных медиакоммуникациях	24
Адресат токсичного медиатекста	38
Содержание токсичных медийных высказываний	39
Их форма (средства экспликации токсичных смыслов)	108
Каналы распространения токсичных медиатекстов	15
Перлокутивные эффекты	33
Итого	400

Отметим, что полученные реакции информантов различаются в семиотическом отношении: в ЧелГУ студенты записывали свои идеи на листах бумаги, тогда как в ЮУрГУ предпочли использовать для этой цели групповой чат – такой формат позволил дополнить вербальные высказывания визуальными материалами (эмодзи, мемы, скриншоты постов в пабликах) и ссылками на токсичные, с точки зрения студентов, видео;

2) два вербальных дискурсивных портрета токсичного медиатекста. В каждом из них присутствуют общий план (дефиниция, отражающая существенные, по мнению информантов, признаки реалии) и детализация (описание аспектов токсичного медиатекста в соответствии с элементами дискурсивной схемы).

Указанные эмпирические блоки представлены в соответствующем протоколе (рис. 5).

Протокол 3

Место и время проведения: Челябинский государственный университет (ЧелГУ), 22.05.2024; Южно-Уральский государственный университет (ЮУрГУ), 24.05.2024.

Сведения об информантах:

Возраст – от 19 до 23 лет.

Пол: м. – 9, ж. – 24.

Образовательное направление: журналистика – 33 человека.

Генерация идей

Определение токсичного медиатекста – 76 реплик

Текст, включающий в себя активную агрессию

Текст, содержащий пассивную агрессию

Текст, размещенный в современных медиа

<…>

Авторы токсичных медиатекстов – 67 реплик

Провокатор

Манипулятор

Обиженный, несчастный человек

<…>

Рис. 5. Фрагменты протокола результатов мозгового штурма

4. Результаты исследования и их обсуждение

4.1 Результаты свободного письма

Реакции на стимул «токсичный медиатекст», продемонстрированные респондентами в ходе проведения свободного письма, совпадают с общеязыковым пониманием этой социальной реалии, в чем убеждает сравнительный анализ данных проведенного эксперимента и лексикографических данных (в первую очередь толковых словарей). Информанты четко осознают наличие первоначального семантического компонента «ядовитое вещество» в структуре данной понятийной сущности, который является результатом конкретного мышления и отражает предметно-вещественное содержание исследуемого научного концепта. Так, были даны вербальные реакции: *яд, вещества*, а также визуальные реакции – изображение емкости, содержащей токсичные отходы (рис. 6).

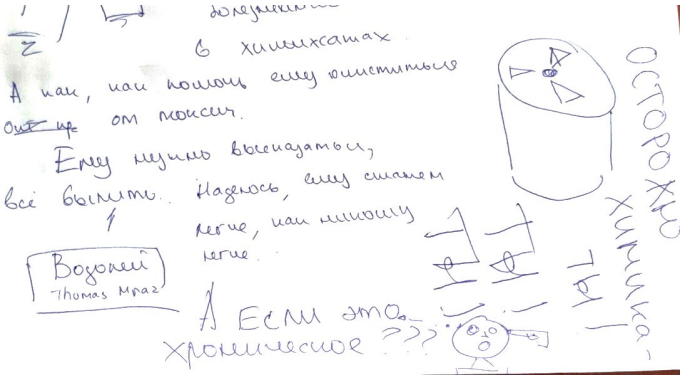

Рис. 6. Результаты свободного письма

Конкретно-вещественная интерпретация токсичного медиатекста уточняется и детализируется исключительно отрицательными ассоциатами, такими как как *шлак, грязь, помои, мусор*.

В данных свободного письма также можно обнаружить реализацию переносного метафорического значения, отражающего результаты абстрактного мышления, являющегося свидетельством социально ориентированного сознания, например, в изображении токсичных родителей (рис. 7).

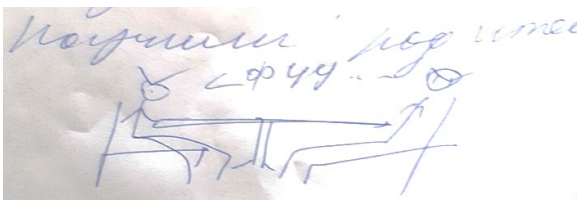

Рис. 7. Реализация переносного значения в результатах свободного письма

Более того, метафорическое осмысление информантами токсичного медиатекста, имеющее в целом социально-коммуникационную направленность, осуществляется в самых различных аспектах, иллюстрирующих многогранность и в то же время константность данного понятия. Назовем лишь некоторые ракурсы: гастрономический (*плохая еда, свинина, шлепок майонезный, алкоголь*); телесно-сензетивный (*душнота, душить, пойти погулять на свежий воздух, долгое и неприятное послевкусие, дурнопахнущий, черные эмоции, кислотно-зеленый*); пространственный (*нарушение личных границ, зона поражения злыми словами*); мортальный (*довести до суицида*, *истребить*, *убить*); театральный (*куклы на нитках, Пугачева помолодела на 20 лет, танцуют все*).

Реакции в свободном письме также дополняют денотативные признаки коннотативными: токсичный медиатекст ассоциируется исключительно с отрицательной оценкой, с негативными деструктивными эмоциями: *мерзкий, неприятный, злость, неприязнь, отвращение, расстроенный читатель, грубый, вызывающее отвращение, отторжение, ненависть, грусть, тоска, ужас* и мн. др. Большое количество ассоциатов с коннотативным компонентом свидетельствует о том, что рассматриваемое понятие обладает не только рациональной значимостью в языковой картине мира в силу важности и универсальности тех идей, которые он в себе несет, но и эмоционально-оценочной, так как он витализируется, глубоко переживается информантами.

Более того, результаты свободного письма демонстрируют попытку информантов если не оправдать, то хотя бы объяснить в иносказательной форме поведение субъекта токсичной коммуникации его природными особенностями, возможно, полученной им ранее травмой (рис. 8).

Рис. 8. Попытка объяснить в иносказательной форме поведение субъекта токсичной коммуникации

4.2. Результаты анкетирования по дискурсивной схеме

Как указывалось выше, систематизация полученных данных исходила из общей осведомленности информантов о предмете исследования и производилась с учетом типологии факторов медийной токсичности.

Включение респондентов в проблематику исследования

О самом факте столкновения с токсичными медиатекстами 87 % респондентов ответили положительно, 10 % затруднились с ответом, лишь 3 % обозначили, что не встречались с такими медиатекстами.

Доминантные признаки токсичного медиатекста, выделенные в свободном порядке респондентами, можно обобщить следующим образом: 1) наличие аспекта психологического давления, 2) считывающиеся из текста негативные эмоции, 3) оскорбление чувств определенной группы людей или одной личности, 4) использование в тексте ненормативной лексики, речевая агрессия, 5) сам текст оставляет ассоциации у респондента с грязью, мусором, текст слишком разрознен, 6) скандальность такого текста, 7) наличие манипуляции фактами в тексте. Среди дополнительных признаков были выделены такие, как 1) провокационность, 2) разжигание вражды и 3) пронизанный ненавистью к людям.

Как можно видеть, признаки токсичного медиатекста во многом пересекаются со смежными понятиями агрессивного медиатекста, языка вражды и пр. (намерение оскорбить, наличие негативных эмоций, тенденция к скандальности и др.). Тем не менее осознаются и потенциальные последствия такого текста, что выражается в репликах о психологическом давлении, провокационности, разжигании вражды.

Фактор коммуниканта

Результаты относительно токсичного коммуниканта и его базовых характеристик показывают, что в подавляющем большинстве респонденты оценивали автора токсичного текста как скандалиста (87 % выбрали такой вариант), то есть человека, создающего медиатекст ради провокации конфликта, привлечения внимания. Практически поровну были выбраны ответы «клеветник», «жертва речевой агрессии» и «хам» (46 %, 43 % и 41 % соответственно). Среди свободных ответов практически половина (46 %) отметила токсичного адресанта как человека с определенными психологическими проблемами: завистник, недовольный жизнью, старающийся самоутвердиться за счет других.

Отмечая намерения токсичного автора, респонденты в большинстве своем остановились на вариантах «самоутвердиться за счет другого человека» и «привлечь внимание к собственной персоне» (по 76 %). Среди свободных ответов (23 отклика) наиболее распространенными стали такие намерения, как попытка заработать, продвинуть продукт на скандальности (26 %), навязать собственное мнение, манипулировать чужим мнением (21 %), спровоцировать конфликт (21 %).

Таким образом, дискурсивный портрет токсичного адресанта выстраивается в первую очередь как человека скандального, для которого токсичная коммуникация становится способом быстро спровоцировать конфликт. Стоит отметить, что большое внимание также уделяется психологическому аспекту: токсичный автор расценивается именно как человек с определенными психологическими проблемами, которые он и пытается компенсировать при помощи токсичной коммуникации, привлечения внимания.

В вопросе о типе адресата явно доминирует массовая аудитория (48 %) и узнаваемые личности, медиаперсоны (30 %), а также идейный оппонент, чье мнение отличается от мнения автора (20 %). Рядом респондентов массовая аудитория характеризуется как ведомая, доверчивая, не умеющая анализировать текст.

При этом респондентами отмечается, что адресаты реагируют на токсичные медиатексты чаще всего ответной токсичностью (61 %) и игнорированием (43 %), также значительная часть отметила, что реципиент может откликнуться на токсичный текст негативными психологическими реакциями (30 %).

С этой точки зрения частично подтверждается именно «токсичность» как составляющая часть термина – провоцирование коммуникативного акта по правилам токсичности. С другой стороны, игнорирование как частый отклик отражает и стратегию осознанного невовлечения в такой акт. Реципиент не вовлекается в активную дискуссию с автором токсичного текста, но в то же время как бы продолжает диалог внутри себя, принимая токсичные реплики на свой счет, испытывая определенный психологический дискомфорт. Эта реплика отражает теневое воздействие токсичности, ее продолжение внутри реципиента.

Фактор контента

Результаты относительно специфики токсичного контента (тема, степень достоверности фактов) показывают, что респонденты не фиксируют какой-либо отдельной тематики, но скорее сосредоточены на эффекте, который оказывает токсичный контент. Прежде всего, отмечается тенденция оскорблять отдельные группы людей со своим мнением (25 %), направленность на угнетение психического состояния реципиента (20 %), представленность в виде негативной информации (15 %), провоцирующий агрессивную реакцию конфликт (12 %). Этот момент довольно показателен, поскольку позволяет говорить о токсичности как о способе ведения коммуникации.

Фактор репрезентации

При выделении речевых маркеров, характерных для токсичных медиатекстов (лингвотоксинов), респонденты наиболее часто выбирали такие варианты, как 1) сарказм (82 %), 2) грубо-просторечные слова (69 %), 3) иронию (66 %), 4) навешивание ярлыков (61 %). Также присутствовали и свободные ответы (20 %): 1) токсичный медиатекст может функционировать и без лингвотоксинов, 2) наличие любого из маркеров не обязательно является признаком именно токсичного текста, 3) обилие намеренно измененных (грамматически) слов, 4) избыточное использование знаков препинания, завуалирования и кличек, 5) эмоциональная пунктуация (восклицательные знаки), 6) чрезмерное употребление оскорбительных эпитетов, 7) феминитивы, 8) обилие цитирования. Среди свободных ответов наблюдается устойчивая тенденция к выделению скрытых способов токсичности, когда привычных маркеров агрессии в тексте не имеется.

В вопросе об использовании специфических невербальных знаков респондентами было отмечено использование эмодзи (74 %): 1) эмодзи, выражающих отвращение (с изображением рвоты и экскрементов) (31 %), 2) эмодзи клоуна (24 %), 3) эмодзи, прямо выражающих негативное отношение (палец вниз, злой эмодзи) (24 %), 4) эмодзи с изначально положительной коннотацией (лайк, улыбка, палец вверх), эмодзи, использующихся как элемент иронии или в неуместном контексте (17 %), 5) эмодзи, выражающих насмешку над сообщением (эмодзи ухмылки, закатывания глаз) (17 %).

В отношении мемов (66 %) были отмечены варианты, которые выражают насмешку (19 %) или открытую агрессию (19 %); сравнение с известными личностями, в том числе ироническое (11 %); направленные на оскорбление отдельных групп людей (7 %); положительные мемы, которые используются в саркастическом смысле (7 %). Часть респондентов отметила, что любые мемы могут стать выражением токсичности и что это зависит от контекста (19 %). Среди альтернативных вариантов (20 %) предлагались такие, как обилие скобок в тексте, поддельные фотографии.

Можно заметить, что эмодзи в данном случае носят дополнительную экспрессивную функцию, в том числе нередко выступая независимой «репликой» (лайк в неуместном контексте может восприниматься как отдельное токсичное высказывание). В том числе присутствует и маркированность невербальными признаками лексически нейтрального высказывания, что позволяет считывать его как токсичное.

Фактор способа коммуникации

При определении деструктивных речевых действий, тактик респонденты особенно выделили такие варианты, как унижение (87 %), манипуляции (82 %), провокацию (79 %), неконструктивную критику (76 %) и травлю (74 %), давление (71 %). Также присутствовали и свободные ответы (12): 1) введение в заблуждение, 2) самоутверждение, 3) обвинение, 4) разжигание конфликта. На первых позициях стоят

речевые действия, которые по сути «настроены» на непрямое выражение токсичности. Среди них явно выделяются акты, направленные не на выражение собственного недовольства напрямую, а скорее на «перевод коммуникативных стрелок» в сторону реципиента, его осуждение, провокацию негативных эмоций. Таким образом, сами коммуникативные практики направлены на выделение не столько реципиента как объекта коммуникативного акта, сколько его психологического состояния. Доминирующие речевые жанры токсичных медиатекстов это тоже отражают: 1) оскорбление (84 %), 2) троллинг (84 %), 3) насмешка (71 %), 4) обвинение (66 %).

Фактор медийного канала

В вопросе распространения токсичных медиатекстов было отмечено различие между традиционными СМИ и новыми медиа (74 %). Основное различие выделялось в факторах цензуры в традиционных СМИ (34 %) и большей сдержанности в подаче материала (13 %). Относительно же новых медиа отмечалась возможность трансляции таких материалов на большую аудиторию (24 %), меньшее количество этапов проверки текста, свобода высказывания (27 %), тенденция к жестким, бескомпромиссным высказываниям (17 %), 15 % респондентов не видят разницы в распространении токсичных медиатекстов, отмечая, что разнится лишь подача такого материала.

Среди факторов, способствующих усилению токсичности, прежде всего отмечается анонимность пользователей (61 %), а также ощущение безнаказанности (26 %).

Фактор посткоммуникации

В последствиях токсичного медиатекста респонденты выделяли как отрицательные (92 %), так и положительные эффекты (48 %). Среди самых деструктивных эффектов токсичности доминировал вариант «различные степени угнетения психологического состояния (паника, страх, тревога и пр.)» (77 %). Среди положительных эффектов выделялось воспитание характера читателя или адресата текста (21 %) и мотивация читателя к проверке фактов, повышению уровня критического мышления (21 %). Акцент делается именно на психологическом аспекте: токсичный текст – это либо психологический тренажер устойчивости, либо спусковой крючок для ряда негативных аффектов.

Фактор метакоммуникации

В блоке о возможности измерения токсичных медиатекстов было отмечено, что прежде всего следует обратить внимание на токсичные маркеры в тексте (41 %), однако практически треть респондентов (25 %) затруднилась с ответом. Такое затруднение как раз может быть связано со спецификой теневого функционирования токсичного дискурса.

В вопросе о способах борьбы с токсичными медиатекстами респонденты наиболее популярным вариантом считают игнорирование (25 %), также часто предлагали такие варианты, как 1) ввод методов правового пресечения (12 %), 2) блокировку авторов токсичных текстов (12 %), 3) воспитание критического мышления (10 %), 4) ввод цензуры (7 %).

Среди профилактических мероприятий наиболее часто выделялись такие, как 1) повышение уровня медиаобразованности (30 %), 2) психологическая подготовка (23 %), 3) профилактические воспитательные беседы по поводу этической составляющей в таких текстах (12 %), 4) удаление подобных текстов, блокировка автора (10 %).

В вопросе о теневой стороне борьбы с токсичными медиатекстами 15 % затруднились с ответом, только 12 % респондентов отметили, что ее нет. Среди альтернативных вариантов фигурировали такие, как относительность субъективности восприятия таких текстов (25 %), ограничение свободы высказывания (10 %), возможность активации механизма реверсивной психологии, а значит, увеличения подобных материалов (7 %), увеличения страха выражать свое мнение (7 %).

Стоит отметить, что на дискурсивном уровне токсичность включает в себя многие признаки агрессивной речи (или hate speech), в то же время, возможно, понятие стоит рассматривать именно в терминах выделения тех аспектов агрессивной речи, которые на данный момент наиболее волнуют общество: это скрытое психологическое воздействие (включая далеко идущие последствия), активация ответного механизма (токсичность в ответ), фактор субъективности восприятия таких текстов.

4.3. Результаты мозгового штурма

Мозговой штурм предполагал уточнение и развитие тех идей, которые рассматривались и продуцировались информантами на предшествующих этапах. В ходе дискуссии студенты получили дискурсивный портрет токсичного медиатекста – его общий план (интегральная дефиниция, включающая в себя значимые, с точки зрения участников, признаки социальной реалии) и детальное описание заданных дискурсивной схемой элементов.

Определение понятия «токсичный медиатекст»

В ходе обсуждения участники мозгового штурма пришли к выводу, что токсичный медиатекст – это продукт медиакоммуникации, включающий в себя активную и / или пассивную агрессию, основной целью которой является вызов негативной реакции у адресата и создание неконструктивного конфликта.

Особенности функционирования токсичных медиатекстов во многом определяет аудитория, чья роль в цифровых коммуникациях исключительно велика. В частности, по мнению информантов, «степень токсичности медиатекста зависит не от автора, а от аудитории, которая на него реагирует».

Адресант

К адресантам токсичного медиатекста информанты отнесли несколько категорий авторов, среди которых:

1) пользователи социальных сетей, абсолютно уверенные в собственной правоте или безнаказанности своих действий либо не понимающие, к каким последствиям могут привести их высказывания. В эту группу включены «диванные критики», токсичные пенсионеры, школьники и т. п.

2) контент-мейкеры, пиарщики;

3) известные персоны (музыканты, блогеры, журналисты, политики).

Представители двух последних категорий с помощью таких текстов продвигают себя и свои медиапродукты, увеличивая просмотры, число подписчиков и получая таким образом известность.

Участники обсуждения обратили также внимание на потенциальных адресантов – «сопереживающих». К ним были отнесены те, кто не создает токсичных сообщений по разным причинам (страх, конформизм, апатия), но хотел бы высказаться.

Авторские интенции

Полученные данные подтверждают результаты анкетирования: в качестве основных намерений создателей токсичных медиатекстов указаны самоутверждение за счет собеседников, вызов деструктивных эмоций, моральное давление, хайп, унижение, опорочивание. Отмечалось также, что токсичный медиатекст может отвлечь людей от серьезных социальных проблем и спровоцировать народные волнения / хаос.

Адресат

В число непосредственных получателей токсичных сообщений в первую очередь входят люди, которые в силу возраста или характера очень остро всё воспринимают и не могут адекватно реагировать на агрессию и негатив в свой адрес (дети, подростки, люди с мягким характером). Кроме того, адресатами токсичных медиатекстов становятся оппоненты с альтернативным мнением, а также известные персоны, чья деятельность имеет публичный характер (блогеры, журналисты, политики).

Содержание высказывания

Информанты назвали ряд конфликтогенных тем:

1) политика;
2) история;
3) религия;
4) сексизм, феминизм, расизм;
5) конфликт поколений;
6) интересы, хобби;
7) заработок;
8) семья;
9) стереотипы / их слом;
10) внешность;
11) личная, интимная жизнь и др.

Форма высказывания (типы текстов, поликодовая система знаков)

По наблюдениям информантов, для выражения агрессии существует множество деструктивных речевых действий и жанров (оскорбление, сарказм, ирония, черный юмор, неконструктивная жесткая критика, осуждение и т. д.). При этом коммуниканты используют разнообразные вербальные (лингвотоксины) и пунктуационно-графические (капслок, точка в конце предложений и др.) средства, обращаются к изобразительным (эмодзи, стикеры, мемы, фотографии адресата) и аудиовизуальным (звуковые треки и видео) материалам, зачастую вырывая их из контекста. Значимо, что токсичность медиакоммуникаций усиливается за счет её поликодовости: *Если использовать многоплатформенную соцсеть, то в одном посте может быть несколько форматов: простыня текста, к ней видос, картиночка, гифочка, противная песенка, и в комментарии ещё зайти можно.*

Каналы распространения сообщения

Студенты указывают, что токсичные медиатексты представлены на разных платформах, выделяя в качестве основных:

1) социальные сети;
2) официальные СМИ;
3) личную переписку, попавшую в Сеть;
4) сайты знакомств;
5) личные блоги.

Специфика каналов: их технические возможности, алгоритмы представления информации, коммуникационная политика и многие другие факторы – оказывает существенное влияние на характеристики токсичных медиапродуктов (TIkTok – короткие высказывания, YouTube – более развернутые сообщения; официальные СМИ – высокий уровень государственного контроля и т. п.).

Перлокутивный эффект (с каким результатом?)

Спектр возможных реакций на токсичные медиатексты чрезвычайно широк: ответная шутка, игнорирование агрессии, эскалация конфликта (*«Я подсяду» – люди начинают токсичить, потому что все так делают*), культура отмены, публичное примирение оппонентов (*Букетик через интернетик*), повышение медийности. Информанты осознают, что перлокутивные эффекты затрагивают разные сферы – эмоционально-психологическую, социально-бытовую, материальную, религиозную, юридическую и даже витальную, когда результатом воздействия токсичных медиатекстов может стать суицид.

5. Заключение

Проведенное исследование показало, что тема токсичности чрезвычайно значима для современного общества. Это подтверждают публикации отечественных и зарубежных ученых, предлагающих множество разных подходов к изучению деструктивных коммуникаций. Фокус нашего внимания сосредоточен на токсичном медиатексте как носителе агрессии в цифровой среде. Это сложное и динамичное явление, характеристики которого детерминируются языковыми, психологическими, социальными, технологическими и другими факторами. Выражение «токсичный медиатекст» пока не является общепринятым, но люди понимают, какую реалию оно обозначает, и осознают связанные с ней опасности.

Особенности предмета исследования определили специфику нашей методологии: для многоаспектного изучения токсичного медиатекста традиционный научный инструментарий (анкетирование и дискурсивный анализ) дополнен эвристическими техниками (свободное письмо и мозговой штурм). Их применение позволило сформировать представительную и разнообразную эмпирическую базу, анализ которой показал, как интерпретируют чрезвычайно важную для цифрового общества реалию студенты, включенные в систему современного медиаобразования. Такой выбор информантов обусловлен тем, что коммуникативный и профессиональный опыт представителей этой социальной группы делает их источником ценных сведений о значимых характеристиках культурных артефактов в цифровой среде.

Анкетирование и мозговой штурм отражают результаты осмысления информантами токсичного текста в контексте речевых практик. Так, результаты анкетирования по дискурсивной схеме позволили выделить следующие характеристики токсичного текста: 1) негативный психологический эффект, производимый подобными медиатекстами, в том числе с отложенным действием; 2) наличие конфликтогенной авторской интенции, связанной с комплексом психологических факторов; 3) возможность имплицитного функционирования токсичности, предполагающего ее воздействие даже в случае невовлечения адресата в дискуссию с автором медиатекста; 4) применение приема редукции или маскировки токсичного высказывания при помощи использования невербальных семиотических систем; 5) важность фактора субъективности как индикатора большой гибкости норм общения в цифровом пространстве или отсутствия усвоенных обществом характерных черт токсичного медиатекста – потенциал восприятия нетоксичных текстов как токсичных и наоборот.

Содержание интегральной дефиниции, которая стала одним из главных результатов мозгового штурма, подтвердила важные, определяющие итоги анкетирования, касающиеся характеристик медиатекста: это продукт медиакоммуникации, включающий в себя активную и / или пассивную агрессию, основной целью которой является вызов негативной реакции у адресата и создание неконструктивного конфликта. Результаты также совпали и в отношении использования невербальных средств выражения деструктивных смыслов, при этом именно в ходе мозгового штурма респонденты отметили усиление токсичности медиакоммуникации за счет ее поликодовости. Показательно, что участники обсуждения продемонстрировали рефлексию не только в отношении авторов, то есть тех, кто является создателем текста, но и «не-авторов» – тех, кто не создает токсичные сообщения, но хотел бы высказаться по тому или иному поводу; более того, были рассмотрены возможные причины неучастия этой группы. Что касается адресатов, то участники мозгового штурма не просто охарактеризовали их по психологическим и / или социальным признакам, но попытались также понять, почему некоторые коммуниканты становятся получателями токсичных медиасообщений.

Детальное описание и анализ дискурсивных аспектов выводит осмысление токсичности на новый уровень: это метакоммуникация, итогом которой является глубокое погружение в социальную реалию и четкое осознание её особенностей, что необходимо для дальнейшей разработки стратегий конструктивного реагирования на токсичные медиатексты в экологичной цифровой культуре.

Список источников

Антропова В. В., Хакимова Е. М., Симакова С. И., Медведева А. Р., Топчий И. В. «Токсичный медиатекст» как новый термин: опыт концепт-анализа // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2024.

№ 3 (53). С. 50–59. https://doi.org/10.47475/2070-0695-2024-53-3-50-59.

Абдукаримов В. М. Региональный экономический анализ. Тамбов: Тамбовский государственный университет, 2009.

Буряковская В. А., Дмитриева О. А. Квазинаучный термин «токсичный» в современной блогосФере (на материале русского, английского и французского языков) // Известия ВГПУ. Филологические науки. 2022. № 5 (168). С. 132–139.

Глущенко О. А, Гришанин Н. В, Кириллина Н. В. Экология коммуникации: факторы токсичности в медийных текстах // Коммуникология. 2021. № 9 (4). С. 160–178. https://doi.org/10.21453/2311-3065-2021-9-4-160-178.

Дмитриева О. А., Ху Ю. Семантическое развитие понятия «токсичность» // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2022. № 3 (36). С. 103–108. https://doi.org/10.36809/2309-9380-2022-36-103-108.

Дмитриева О. А. Токсичность как тип деструктивного поведения (на материале текстов масс-медиа) // Биология и интегративная медицина. 2021. № 6 (53). С. 60–64.

Добреньков В. И., Кравченко А. И. Методы социологического исследования. М.: НИЦ Инфра-М, 2023.

Ермакова Л. В. Дискурсивный анализ: современные подходы. Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2021.

Желязкова-Тея Т. К. Использование метода мозгового штурма для получения новых знаний об информальном образовании // Школьные технологии. 2019. № 6. С. 113–120.

Ионова С. В. Токсичный руководитель: лингвоэкология речевого поведения // Экология языка и коммуникативная практика. 2018. № 4. С. 1–12.

Комиссарова Л. М., Кореняк А. В. Коммуникативная эффективность рекламного сообщения (на примере сайтов интернет-СМИ) // PR и реклама в изменяющемся мире: региональный аспект. 2018. № 18. С. 44–54.

Новиков А. М., Новиков Д. А. Методология: словарь системы основных понятий. М.: Либроком, 2013.

Остин Д. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. 1985. № 16. С. 22–129.

Панфилова А. П. Инновационные педагогические технологии: Активное обучение. М.: Издательский центр «Академия», 2009.

Панченко Н. Н. Токсичный учитель: признаки деструктивного коммуникативного поведения // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2022. № 4 (167). С. 153–157.

Сковородников А. П., Копнина Г. А. Лингвотоксичные явления в речи и языке // Мир русского слова. 2017. № 3. С. 28–32.

Тимербулатов З. М. Токсичность виртуальной реальности // Социально-гуманитарные знания. 2019. № 10. С. 145–147.

Ху Ю. Токсичность: психологический и лингвистический аспект // Биология и интегративная медицина. 2021. № 6 (53). С. 411–419.

Якобсон Р. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». Москва : Издательство «Прогресс», 1975: 193–230.

Яковлева Н. Ф. Социологическое исследование. 2-е изд., стер. Москва : ФЛИНТА, 2014.

Bowman P. In Toxic Hating Masculinity: MMA Hard Men and Media Representation // Sport in History. 2020. Vol. 40, № 3. P. 395–410. https://doi.org/10.1080/17460263.2020.1756394.

Dhrodia A. Unsocial Media: A Toxic Place for Women // IPPR Progressive Review. 2018. Vol. 24, № 4. https://doi.org/10.1111/newe.12078.

Fortuna P., Soler J., Wanner L. Toxic, Hateful, Offensive or Abusive? What are We Really Classifying? An Empirical Analysis of Hate Speech Datasets // Proceedings of the 12th Language Resources and Evaluation Conference. 2020. P. 6786–6794.

Kocoń J., Figas A., Gruza M., Puchalska D., Kajdanowicz T., Kazienko P. Offensive, Aggressive, and Hate Speech Analysis: From Data-Centric to Human-Centered Approach // Information Processing & Management. 2021. Vol. 58, № 5. P. 102643. https://doi.org/10.1016/j.ipm.2021.102643.

Lasswell H. The Structure and Function of Communication in Society // The Communication of Ideas / Ed. by L. Bryson. New York: The Institute for Religious and Social Studies, 1948. P. 216–228.

Lu C., Jurgens D. The Subtle Language of Exclusion: Identifying the Toxic Speech of Trans-exclusionary Radical Feminists // Proceedings of the Sixth Workshop on Online Abuse and Harms (WOAH). 2022. P. 79–91. http://dx.doi.org/10.18653/v1/2022.woah-1.8.

Mohan S., Guha A., Harris M., Popowich F., Schuster A., Priebe C. The Impact of Toxic Language on the Health of Reddit Communities // Advances in Artificial Intelligence. Canadian AI 2017 / Ed. by M. Mouhoub, P. Langlais. Cham: Springer, 2017. (Lecture Notes in Computer Science, vol. 10233). P. 70–80. https://doi.org/10.1007/978-3-319-57351-9_6.

Paz M. A., Montero-Díaz J., Moreno-Delgado A. Hate Speech: A Systematized Review // SAGE Open. 2020. Vol. 10, № 4. https://doi.org/10.1177/2158244020973022.

Ralston Sh. Against the Toxic Speech Metaphor: A Brief Reply to Tirrell // Southern Journal of Philosophy. 2019. URL: https://www.researchgate.net/publication/335565990_Against_the_Toxic_Speech_Metaphor_A_Reply_to_Tirrell.

Salminen J., Almerekhi H., Milenković M., Jung S., An J., Kwak H., Jansen B. Anatomy of Online Hate: Developing a Taxonomy and Machine Learning Models for Identifying and Classifying Hate in Online News Media // Proceedings of the International AAAI Conference on Web and Social Media. 2018. Vol. 12, № 1. P. 330–339. https://doi.org/10.1609/icwsm.v12i1.15028.

Salminen J., Jung S., Santos J. M., Jansen B. J. Toxic Text in Personas: An Experiment on User Perceptions // AIS Transactions on Human-Computer Interaction. 2021. Vol. 13, № 4. P. 453–478. https://doi.org/10.17705/1thci.00157.

Sumanth P., Samiuddin S., Jamal K., Domakonda S., Shivani P. Toxic Speech Classification Using Machine Learning Algorithms // 2022 International Conference on Electronic Systems and Intelligent Computing (ICESIC). 2022. P. 257–263. https://doi.org/10.1109/ICESIC53714.2022.9783475.

Tirrell L. Toxic Speech: Toward an Epidemiology of Discursive Harm // Philosophical Topics. 2017. Vol. 45, № 2. P. 139–162. https://doi.org/10.5840/philtopics201745217.

Tirrell L. Toxic Speech: Inoculations and Antidotes // The Southern Journal of Philosophy. 2018. Vol. 56. P. 116–144. https://doi.org/10.1111/sjp.12297.

References

Antropova, V. V., Khakimova, E. M., Simakova, S. I., Medvedeva, A. R., Topchii, I. V. (2024). «Toksinyy mediatekst» kak novyy termin: opyt kontsept-analiza [«Toxic media text» as a new term: an experience in concept analysis]. *Znak: problemnoe pole mediaobrazovanija,* 3 (53). 50–59. https://doi.org/10.47475/2070-0695-2024-53-3-50-59. (In Russ.).

Abdukarimov, V. M. (2009). *Regional'nyy ekonomicheskiy analiz* [Regional economic analysis]. Tambov, Tambovskiy gosudarstvennyy universitet. (In Russ.).

Buryakovskaya, V. A., Dmitrieva, O. A. (2022). Kvazinauchnyy termin "toksichnyy" v sovremennoy blogosfere (na materiale russkogo, angliyskogo i frantsuzskogo yazykov) [The quasi-scientific term "toxic" in the modern blogosphere (based on Russian, English, and French languages)]. *Izvestiya VGPU. Filologicheskiye nauki,* 5 (168). 132–139. (In Russ.).

Glushchenko, O. A., Grishani,n N. V., Kirillina, N. V. (2021). Ekologiya kommunikatsii: faktory toksichnosti v mediynykh tekstakh [Ecology of communication: Factors of toxicity in media texts]. *Kommunikologiy,* 9 (4). 160–178. https://doi.org/10.21453/2311-3065-2021-9-4-160-178. (In Russ.).

Dmitrieva, O. A., Hu, Yu. (2022). Semanticheskoye razvitiye ponyatiya "toksichnost'" [Semantic development of the concept of "toxicity"]. *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarnyye issledovaniya,* 3 (36). 103–108. https://doi.org/10.36809/2309-9380-2022-36-103-108. (In Russ.).

Dmitrieva, O. A. (2021). Toksichnost' kak tip destruktivnogo povedeniya (na materiale tekstov mass-media) [Toxicity as a type of destructive behavior (based on mass media texts)]. *Biologiya i integrativnaya meditsina,* 6 (53). 60–64. (In Russ.).

Dobrenkov, V. I., Kravchenko, A. I. (2023) *Metody sotsiologicheskogo issledovaniya* [Methods of sociological research]. Moscow, NITs Infra-M. (In Russ.).

Ermakova, L. V. (2021). *Diskursivnyy analiz: sovremennyye podkhody* [Discourse analysis: Modern approaches]. Blagoveshchensk, AmGU Publ. (In Russ.).

Zhelyazkova-Teya, T. K. (2019.) Ispol'zovaniye metoda mozgovogo shturma dlya polucheniya novykh znaniy ob informal'nom obrazovanii [Using the brainstorming method to gain new knowledge about informal education]. *Shkol'nyye tekhnologii,* 6. 113–120. (In Russ.).

Ionova, S. V. (2018). Toksichnyy rukovoditel': lingvoekologiya rechevogo povedeniya [Toxic leader: Linguistic ecology of speech behavior]. *Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika,* 4. 1–12. (In Russ.).

Komissarova, L. M., Korenyak, A. V. (2018). Kommunikativnaya èffektivnost' reklamnogo soobshcheniya (na primere saytov internet-SMi) [Communicative effectiveness of an advertising message (based on websites of online media)]. *PR i reklama v izmenyayushchemsya mire: regional'nyy aspekt*, 18, 44–54. (In Russ.).

Novikov, A. M., Novikov, D. A. (2013). *Metodologiya: slovar' sistemy osnovnykh ponyatiy* [Methodology: Dictionary of basic concepts]. Moscow, Librokom. (In Russ.).

Austin, D. (1985). Slovo kak deystviye [Word as action]. *Novoe v zarubezhnoy lingvistike*, 16, 22–129. (In Russ.).

Panfilova, A. P. (2009). *Innovatsionnye pedagogicheskiye tekhnologii: Aktivnoye obuchenie* [Innovative pedagogical technologies: Active learning]. Moscow: Izdatel'skiy tsentr «Akademiya». (In Russ.).

Panchenko, N. N. (2022). Toksichnyy uchitel': priznaki destruktivnogo kommunikativnogo povedeniya [Toxic teacher: signs of destructive communication behavior]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 4 (167). 153–157. (In Russ.).

Skovorodnikov, A. P., Kopnina, G. A. (2017). Lingvotoksichnyye yavleniya v rechi i yazyke [Linguistic toxic phenomena in speech and language]. *Mir russkogo slova,* 3. 28–32. (In Russ.).

Timurbulatov, Z. M. (2019). Toksichnost' virtual'noy real'nosti [Toxicity of virtual reality]. *Sotsial'no-gumanitarnyye znaniya,* 10. 145–147. (In Russ.).

Hu, Yu. (2021). Toksichnost': psikhologicheskiy i lingvisticheskiy aspekt [Toxicity: psychological and linguistic aspects]. *Biologiya i integrativnaya meditsina*, 6 (53). 411–419. (In Russ.).

Yakobson, R. (1975). Lingvistika i poètika [Linguistics and poetics]. *Strukturalizm: «za» i «protiv»*. Moscow, Progress. 193–230 (In Russ.).

Yakovleva, N. F. (2014). *Sotsiologicheskoye issledovaniye* [Sociological research]. 2nd ed. Moscow, Flinta. (In Russ.).

Bowman, P. (2020). In Toxic Hating Masculinity: MMA Hard Men and Media Representation. *Sport in History,* 40 (3). 395–410. https://doi.org/10.1080/17460263.2020.1756394.

Dhrodia, A. (2018) Unsocial Media: A Toxic Place for Women. *IPPR Progressive Review,* 24 (4). 380–387. https://doi.org/10.1111/newe.12078.

Fortuna, P., Soler, J., Wanner, L. (2020). Toxic, Hateful, Offensive or Abusive? What are We Really Classifying? An Empirical Analysis of Hate Speech Datasets. *Proceedings of the 12th Language Resources and Evaluation Conference*: 6786–6794.

Kocóń, J., Figas, A., Gruza, M., Puchalska, D., Kajdanowicz, T., Kazienko, P. (2021). Offensive, Aggressive, and Hate Speech Analysis: From Data-Centric to Human-Centered Approach. *Information Processing & Management,* 58 (5). 102643. https://doi.org/10.1016/j.ipm.2021.102643.

Lasswell, H. (1948). The Structure and Function of Communication in Society. In L. Bryson (ed.) *The Communication of Ideas*. New York, The Institute for Religious and Social Studies. 216–228.

Lu, C., Jurgens, D. (2022). The Subtle Language of Exclusion: Identifying the Toxic Speech of Trans-exclusionary Radical Feminists. *Proceedings of the Sixth Workshop on Online Abuse and Harms (WOAH)*. 79–91. http://dx.doi.org/10.18653/v1/2022.woah-1.8.

Mohan, S., Guha, A., Harris, M., Popowich, F., Schuster, A., Priebe, C. (2017). The Impact of Toxic Language on the Health of Reddit Communities. In M. Mouhoub, P. Langlais (eds.) *Advances in Artificial Intelligence. Canadian AI 2017. Lecture Notes in Computer Science* Vol. 10233. Cham, Springer. https://doi.org/10.1007/978-3-319-57351-9_6.

Paz, M. A., Montero-Díaz, J., Moreno-Delgado, A. (2020). Hate Speech: A Systematized Review. *Sage Open,* 10 (4). https://doi.org/10.1177/2158244020973022.

Ralston, Sh. (2019). Against the Toxic Speech Metaphor: A Brief Reply to Tirrell. *Southern Journal of Philosophy*. URL: https://www.researchgate.net/publication/335565990_Against_the_Toxic_Speech_Metaphor_A_Reply_to_Tirrell.

Salminen, J., Almerekhi, H., Milenković, M., Jung, S., An, J., Kwak, H., Jansen, B. (2018). Anatomy of Online Hate: Developing a Taxonomy and Machine Learning Models for Identifying and Classifying Hate in Online News Media. *Proceedings of the International AAAI Conference on Web and Social Media,* 12 (1). 330–339. https://doi.org/10.1609/icwsm.v12i1.15028.

Salminen, J., Jung, S., Santos, J. M., Jansen, B. J. (2021). Toxic Text in Personas: An Experiment on User Perceptions. *AIS Transactions on Human-Computer Interaction,* 13 (4). 453–478. https://doi.org/10.17705/1thci.00157.

Sumanth, P., Samiuddin, S., Jamal, K., Domakonda, S., Shivani, P. (2022). Toxic Speech Classification Using Machine Learning Algorithms. *2022 International Conference on Electronic Systems and Intelligent Computing (ICESIC)*. 257–263. https://doi.org/10.1109/ICESIC53714.2022.9783475.

Tirrell, L. (2017). Toxic Speech: Toward an Epidemiology of Discursive Harm. *Philosophical Topics,* 45 (2). 139–162. https://doi.org/10.5840/philtopics201745217.

Tirrell, L. (2018) Toxic Speech: Inoculations and Antidotes. *The Southern Journal of Philosophy,* 56. 116–144. https://doi.org/10.1111/sjp.12297.

Информация об авторах

В. В. Антропова – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры теории медиа

Е. М. Хакимова – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры журналистики, рекламы и связей с общественностью

С. И. Симакова – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры медиапроизводства

А. Р. Медведева – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры теории медиа

И. В. Топчий – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры медиапроизводства

Information about the authors

Vera V. Antropova – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Media Theory

Elena M. Khakimova – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Journalism, Advertising, and Public Relations

Svetlana I. Simakova – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Media Production

Arina R. Medvedeva – Candidate of Philological Sciences, Senior Lecturer at the Department of Media Theory

Irina V. Topchii – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Media Production

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 20.01.2025; одобрена после рецензирования 18.01.2026; принята к публикации 10.03.2026.

The article was submitted 20.01.2025; approved after reviewing 18.01.2026; accepted for publication 10.03.2026.